

Городская повседневность: проституция в Ярославле в конце XIX – начале XX вв.

Карандашев Глеб Владимирович

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.
Россия, г. Ярославль. ORCID: 0000-0002-7499-9254. E-mail: karandashev@gmail.com

Аннотация. В статье на примере губернского г. Ярославля рассмотрена проблема проституции в городском социуме в конце XIX – начале XX вв. На основе широкого круга источников: неопубликованных архивных материалов, периодической печати, источников личного происхождения – представлен социокультурный облик данного явления, его влияние на повседневную жизнь и культуру местного населения. Помимо статистических данных рассмотрены проблемы, сопутствовавшие проституции: венерические заболевания, алкоголизация, преступность, самоубийства. Проанализированы вопросы регламентации продажной любви в городе, организации врачебного контроля, домов терпимости. Представлены материалы о деятельности сутенеров и хозяек борделей. Приведены сведения о проявлении классового самосознания проституток в 1905 г., их отношении к выбранной профессии и попытках покончить с ней, что не всегда удавалось.

Основную массу публичных женщин Ярославля в конце XIX – начале XX вв. составляли представительницы крестьянского и мещанского сословий, которые попадали в данную профессию в силу тяжелого материального положения. Легальные дома терпимости располагались во второй части города, там же было зарегистрировано большинство проституток-одиночек. Концентрация публичных домов и квартир с проститутками негативно сказывалась на народной нравственности и криминогенной обстановке.

Несмотря на легализацию проституции в дореволюционной России, женщины легкого поведения соприкасались с криминальным миром. В борделях могли скрываться правонарушители, совершались злодеяния. Часть ярославских проституток участвовала в преступной деятельности. Многие девушки начинали заниматься проституцией в несовершеннолетнем возрасте. О неблагоприятном психическом и физическом состоянии проституток свидетельствовали частые попытки суицида, некоторые из которых заканчивались летальным исходом.

Ключевые слова: Ярославль, проституция, преступность, пьянство, публичный дом.

В конце XIX – начале XX вв. проституция как социальное явление оказалась под пристальным вниманием российских исследователей. Обобщался опыт зарубежных стран, велась острая полемика по вопросам регламентации проституции, существования домов терпимости, эффективности врачебно-полицейского контроля [49; 50; 51]; обсуждались причины развития торговли телом, детская проституция и социальный статус публичных женщин [2; 18]; определялось влияние проституции на распространение венерических заболеваний, а также ее связь с различными формами девиантного поведения [4; 27].

В современной отечественной историографии продолжен анализ вопросов, предложенных дореволюционными авторами [9]. Проституция рассматривается как одна из форм отклоняющегося поведения [1]. Без внимания не остались сюжеты, связанные с правовым положением явления в конце XIX – начале XX вв. [24], проблемы детской и подростковой проституции [3]. Развитие получило изучение проблемы на местном уровне. Но лишь по ряду губерний и отдельных городов, включая столицы, опубликованы изыскания, в которых использован широкий круг исторических источников [19; 20; 21; 22; 23]. Проституция как социокультурное явление городской повседневности Ярославля в конце XIX – начале XX вв. не становилась объектом специального научного исследования.

23 мая 1891 г. знаменитая мемуаристка Е. А. Дьяконова записала в своем дневнике: «К моему величайшему изумлению, оказалось, что и здесь, в Ярославле, существует дом терпимости, несчастные женщины проживают там с желтыми билетами... О позор, стыд, унижение! Как их мне жаль! Лучше бы им не родиться никогда... ведь это – ужас!» [17, с. 69].

По сведениям центрального статистического комитета МВД, на 1 августа 1889 г. в Российской империи за исключением Финляндии насчитывалось 17 603 зарегистрированных про-

ститутков, действовало 1216 домов терпимости и 52 дома свиданий. В Ярославской губернии находилось 12 домов терпимости, по 6 из которых располагались в Ярославле и Рыбинске. Согласно официальным данным, на тот момент в губернии было зарегистрировано 259 проституток, из них в Ярославле – 91 и 112 – в Рыбинске. В ярославских борделях проживали 52 проститутки, 29 из которых были местными, а 23 представляли другие губернии. Также в городе на учете состояли 39 проституток-одиночек: 22 местных и 17 приезжих [26, с. 16–36].

В 1901 г. ярославский полицмейстер сообщал, что «разрешенные правительством дома терпимости с давнего времени расположены на Борисоглебской улице на протяжении от Монологской через Пошехонскую к полю, и на Пошехонской, начиная от Дворянской до Даниловского переулка». Для контроля над ситуацией полиции было удобно, чтобы заведения подобного рода находились поблизости, а не в разных концах города [13, л. 4–4 об.].

В 1907 г. в управлении второй полицейской части Ярославля было зарегистрировано 34 адреса со 100 проститутками. В 1916 г. там же официально находились 15 квартир с 40 проститутками, и кроме того, было зарегистрировано 124 женщины, одиночно занимавшихся проституцией. В третьей части города была одна проститутка-одиночка, а в первой, четвертой и пятой частях проститутки легально не действовали [10, л. 109–113].

С 80-х гг. XIX в. контроль за городской проституцией осуществлялся смешанной врачебно-полицейской комиссией во главе с полицмейстером, куда также входили городской врач и медицинские работники ярославских воинских частей. Она разрабатывала меры по борьбе с сифилисом, вела учет проституток, выдавала разрешения на открытие домов терпимости [16, л. 3–36].

В ярославской полиции городских проституток разделяли на легальных, тайных и проституток-одиночек. К первому типу относились женщины, принимавшие клиентов в домах терпимости и на квартирах. Они фигурировали в статистических сведениях, подвергалась врачебно-санитарному осмотру и в целом внимательно относились к своему здоровью [12, л. 9].

Особенно опасными в смысле распространения венерических болезней были проститутки второй категории, т. е. тайные проститутки, контингент которых составляли «разные мастерицы магазинов, горничные, кухарки, чернорабочие и женщины, не имеющие определенных занятий. Из каждого десятка этих проституток, случайно попадающих на смотровой пункт, восемь оказываются больными» [12, л. 9].

Проститутками-одиночками являлись «в большинстве случаев полные сил и здоровья девушки в возрасте от 15 до 20 лет, которые попали было в дома терпимости, но в силу того, что не достигли возраста, должны были уйти и до совершеннолетия остаются, так сказать, вольно практикующими, промышляя развратом за свой страх и риск». Часть из них находилась вне медико-полицейского надзора [12, л. 9].

Основную массу женщин, занимавшихся проституцией в Ярославле, составляли жительницы Ярославского и Ростовского уездов, а также представительницы Вологодской, Тверской и Архангельской губерний. Реже девушки прибывали из более отдаленных регионов [10, л. 1–50]. Заметным был приток в Ярославль крестьян Вологодской губернии. В большинстве случаев приезжали «не обеспеченные лица, ищущие тем или другим путем добыть себе кусок насущного хлеба». Крестьяне Вологодской губернии занимали «первенствующее место в городском ночлежном доме, в кадрах проституции, нищих, ходатайствующих о пособиях и в полицейских протоколах» [55, с. 3].

Население обращалось с ходатайствами об удалении домов терпимости из районов своего проживания. Местные жители писали: «...Не мало неудобств, можно сказать лишений приходится терпеть от расселившихся в нашем квартале проституток. Их неприличное поведение, площадная брань, безобразия, драки пьяной толпы, собирающейся у их домов, лишают мирного обывателя возможности пройти без отвращения по улице, а не редко и без опасения за свою жизнь, так как в драках часто употребляются палки, камни и т. п. Ночные скандалы нарушают мирный сон обывателя, будят детей, что, понятно, весьма неблагоприятно отражается на здоровье последних» [12, л. 20–20 об.]. У людей не было «уверенности выйти на улицу или возвращаться вечером к себе домой, не рискуя получить ту или другую неприятность вплоть до оскорбления не только уличными словами, но и действием» [14, л. 9]. Удовлетворялись подобные просьбы редко. Выселение «вообще и в частности „жертв общественного темперамента“ вне власти городского общественного управления, и что о прекращении скандалов им надлежит обратиться к действующей полицейской власти» [14, л. 10].

Все же горожане добились закрытия домов терпимости и выселения проституток полицией 1 января 1908 г. с территорий, прилегавших к возведенной в 1905 г. церкви Покрова

Пресвятой Богородицы на пересечении ул. Борисоглебской и Петровской, построенной по соседству церковноприходской школы. При этом возник конфликт с многочисленными арендодателями, которые настаивали на праве сохранения публичных заведений в своих домах. Они заявляли: «Такое распоряжение нанесло нам громадный материальный ущерб, так как наши дома в настоящее время стоят пустыми. Да и в будущем мы не в состоянии будем иметь квартиросъемщиков в этих домах, так как они расположены на самом краю города, где уже начинается поле». Прошение домовладельцев ул. Борисоглебской было отклонено [12, л. 15–16].

Со временем «стали возникать дома свиданий „парных“, так называемых вольных проституток, которые первоначально поселялись на окраинах города, а затем стали снимать квартиры и по близости его центра». В 1912 г. насчитывалось более 50 подобных жилищ. Большинство падших женщин, проживавших ранее на ул. Пошехонской и Борисоглебской, переселились в «Грекову лавру» на ул. Малой Угличской, где занимали более 30 квартир. На ул. Пошехонской они также продолжали квартировать, хотя в значительно меньшем масштабе [14, л. 5–6 об.].

Передвигаться по указанным районам было небезопасно, особенно в темное время суток. Так, вечером, 22 июля 1903 г., на углу ул. Пошехонской и Борисоглебской произошло «настоящее побоище между собирающимися сюда в праздничные дни посетителями». Буянов с большим трудом усмирили, а «у городского оказалась сломана шашка. Избитых физиономий масса; некоторых участников драки препроводили в больницу» [41, с. 3]. В первый день празднования Пасхи «под вечер на Пошехонской улице произошла драка и навела панику на ютящиеся здесь дома терпимости, которые моментально закрылись во избежание разгрома» [36, с. 3].

Проститутки регулярно становились жертвами преступлений со стороны клиентов, сутенеров, хозяек, представителей власти, уличных хулиганов, ревнивых любовников. В июне 1912 г. на набережной р. Волги четверым пьяным молодым людям «у перевоза Кашина повстречалась проститутка с каким-то парнем». Произошла драка, причем один из нападавших избил девушку железной тростью [5, с. 2].

На ул. Спасской в публичном доме Кораблевой сожитель хозяйки Д. Крашенинников сильно избил девицу этого заведения К. Данилову, о чем было заявлено полиции [28, с. 3]. «Недавно была наказана „хозяйкою“ совместно с „хозяином“ проститутка М. Е-янова, которая после этого наказания отправилась в больницу, где дня 3–4 тому назад умерла» [40, с. 3]. В начале июля 1904 г. было «возбуждено преследование против рабочих фабрик Пошехонова, крестьян В. Фоминского и Л. Большакова, которые, находясь в пьяном состоянии, избili А. Карпову – „жертву общественного темперамента“» [52, с. 3].

Проживавшая в д. Вороновой на ул. Борисоглебской проститутка А. М. Перевозчикова заявила полиции, что около 2 ч. ночи она обнаружила пропажу золотой монеты. В ее комнате в тот момент находился мещанин Н. Т. Назаров, у которого приглашенный полицейский Смирнов нашел монету в левом штиблете [34, с. 3].

23 мая 1914 г. поздно ночью в квартиру содержательницы дома терпимости Е. Кузнецовой, известной под прозвищем Лиза Самодур, забрался сутенер К. Лисицын и, угрожая Кузнецовой ножом, похитил две бутылки пива. «Кроме пива Лисицын несколько раз судился за кражи и был лишен прав состояния. За похищение пива у „Самодур“ Лисицын и давал ответ в ярославском окружном суде». Свидетелями выступили проститутки и их сутенеры [31, с. 3].

В 1899 г. в Ярославле разыгралась любовная драма, где жертвой стала одна из проституток. 10 июля в 6 часов вечера в доме терпимости, принадлежащем Волкович, на ул. Борисоглебской, в отдельном спальном помещении раздались три выстрела, произведенные 27-летним С. Гульневым, который «решился убить из ревности и досады находившуюся с ним в любовной связи девицу», 18-летнюю проститутку М. Лукину [33, с. 3].

Заметное участие в жизни части проституток, особенно тайных, принимали сутенеры, которые обеспечивали нелегальную охрану своих подопечных, за что взимали с них часть доходов. В Ярославле основным местом обитания «котов» были ул. Пошехонская и Борисоглебская. «На Пошехонской улице учиняют нередко ночные дебоши так называемые „коты“, которых в общем насчитывают человек пятнадцать, из них наиболее известны два брата. Господа „коты“ тем только и занимаются, что эксплуатируют находящихся у них в подчинении „жертв общественного темперамента“. Последние, в свою очередь, видят в котях опору, на случай неприятности, когда выступающие в защиту опекаемых „коты“ охотно вступают в рукопашную с подвыпившими фланерами „Пошехонки“» [35, с. 3]. 18 июля 1905 г. на ул. Пошехонской про-

изошла драка между сутенерами и мастеровыми, причем один мастеровой был сильно изранен [45, с. 3]. 26 мая 1903 г. около 7 ч. вечера на проходящего по ул. Пошехонской солдата без всякой причины напали «так называемые коты из притонов этой улицы в числе 7 человек и стали наносить ему побои» [39, с. 4].

По сообщениям печати не проходило ни одного дня, «чтобы кто-нибудь не был искалечен разными темными личностями» на ул. Борисоглебской. 5 мая 1905 г. около 10 ч. вечера к проходившему молодому человеку И. пристал «какой-то местный субъект, по-видимому „кот“, и стал требовать с него на полбутылки водки, на что получил отказ. Тогда неизвестный субъект пригрозил молодому человеку палкой, почему И. хотел бежать, но „кот“ успел ударить изо всей силы И. палкой по шее. И. заявил об этом постовому городовому, но тот ответил ему: «ступай домой, а то еще попадет» [43, с. 3]. Этот молодой человек был дважды избит сутенером по кличке «Ванька-поляк» [44, с. 3]. 20 июля около 3 часов дня в конце ул. Борисоглебской с сутенерами в драке получил травмы грузчик Е. Маслов. Причем сутенеры «кастетом раскроили лицо Маслова» [46, с. 2].

Ярославские бордели фигурировали в местной криминальной хронике. Они могли выступать как местом, где скрывались преступники, так и пунктом, где совершались преступления. Около полуночи 20 мая 1903 г. на постоялом дворе Соболева по Большой линии «два каких-то субъекта, явившиеся туда на ночлег, затеяли скандал. Один из буянов схватил рукою за горло выпроваживавшего его хозяина, другой же стал наносить хозяину удары ножом в грудь, живот и руки». В ту же ночь в доме терпимости Богдановой на ул. Борисоглебской удалось задержать ростовского мещанина С. Шигина, который был опознан потерпевшим [37, с. 3]. Выяснилось, что Шигин несколько раз отбывал наказания в тюрьмах и арестантских ротах [38, с. 4].

В ночь на 27 октября 1904 г. рядовой Грязовецкого пехотного полка А. Семенов в доме терпимости Иоселевич на Борисоглебской ул. насильно снял сапоги с крестьянина В. Петрова, стоившие 6 р. 50 к. [55, с. 3]. В сентябре 1904 г. был привлечен к ответственности «за допущение непотребства со стороны лиц, остановившихся в номерах с тремя проститутками», содержатель гостиницы «Варшава» М. Н. Смекалов [54, с. 3]. «Сутенер с „Пошехонки“ по прозвищу Яшка-кот стащил со спавшего в „заведении Эблиной“ крестьянина С. Валяева кожаные сапоги, стоившие 5 р.» [41, с. 3].

Женщины легкого поведения получали подарки от своих клиентов, в том числе добытые криминальным путем. Такие гостинцы могли способствовать раскрытию преступлений. В ночь на 28 ноября 1898 г. у крестьянки Е. Ерохиной украли драгоценности и деньги на сумму 250 р. Виновниками оказались братья И. и А. Марголины, один из которых подарил похищенное золотое кольцо проститутке с ул. Борисоглебской. С помощью данной улики околоточный надзиратель Корольков раскрыл злодеяние [32, с. 3].

Самым распространенным видом преступлений, которое совершали ярославские проститутки, было воровство. Так, проживавшая по Борисоглебской ул. в д. Калашникова Ф. Малыгина заявила, что квартировавшая у нее проститутка Е. Сапожникова утром 17-го февраля украла на 2 руб. разных вещей. Сапожникова была разыскана, в преступлении созналась, заявив, что «вещи она продала, а деньги пропила» [58, с. 3]. Потомственный почетный гражданин Н. И. Струков сообщил, «что утром 24-го января в доме терпимости Лебедевой, где он ночевал, обнаружил у себя кражу карманных серебряных часов с цепочкой, стоящих 25 руб. и денег 3 р.». Воровство это совершила проститутка Н. Алябьева [57, с. 3]. Состоявшая в разряде публичных женщин С. В. Ушакова похитила у «содержательницы проститутки» Ф. А. Мальгиной «триковый жакет, стоящий 4 р. и батистовый платок в 3 руб., и с этими вещами скрылась» [53, с. 3].

В Ярославль периодически наведывались преступники-гастролеры. Опасную воровку, «оказавшуюся членом ускользнувшей шайки, удалось задержать в Ярославле в самый день ее сюда приезда из Москвы». Ее арестовали после совершения кражи 375 р. у одного из приказчиков в отделении государственного банка. Женщина назвалась Н. Гунази, в прошлом занимавшаяся проституцией и являвшейся хипесной воровкой-преступницей, которая заманивала богатых клиентов в номер, где сообщник обворовывал усыпленную жертву [42, с. 3].

Подобный образ жизни негативно сказывался на психическом здоровье женщин, нередко вел к пьянству, а иногда к попыткам самоубийства, часть из которых носила демонстративный характер, но другая заканчивалась летальным исходом. Основным способом ухода из жизни выбиралось отравление с помощью уксусной эссенции, реже нашатырного спир-

та. Молодые девушки таким образом пытались привлечь внимание к своей судьбе. К примеру, 28 апреля в 4 часа дня в гостинице «Коммерческая» Е. Григорьева вышла на площадку лестницы, «выпила здесь большой флакон уксусной эссенции и со стоном свалилась с ног». Григорьевой было 20 лет, «а покушалась она на свою жизнь второй раз, объяснив это тем, что ей надоело заниматься проституцией» [7, с. 2].

8 февраля в 11 ч. утра проходившая по ул. Любимской 19-летняя крестьянка П. Константинова, остановившись у Вознесенской аптеки, «вынула из кармана склянку с какой-то жидкостью, быстро выпила её содержимое, после чего со стоном упала на землю». Оказалось, что она выпила флакон уксусной эссенции. «Причина отравления – ссора с сестрой, которая запрещала ей заниматься проституцией и настаивала поступить на место» [28, с. 3].

Имелись примеры более трагичных случаев. Крестьянка Е. Караулова, состоявшая в разряде ярославских проституток и проживавшая на Малой Угличской ул. в ночь на 1 января 1914 г. бросилась под поезд на ст. Ростов. Покойная чрезвычайно тяготилась своим положением и поводом к самоубийству послужило «сознание невозможности вернуться к прежней трудовой жизни» [6, с. 2]. 21 октября в городскую больницу была доставлена 18-летняя проститутка М. Александрова, проживавшая на ул. Пошехонской, отравившаяся уксусной эссенцией. На следующий день Александрова умерла [8, с. 2]. 8 февраля на ул. Петровской был найден труп молодой женщины. Смерть произошла от принятия внутрь значительного количества уксусной эссенции. В кармане платья покойной был найден «желтый билет» на имя проститутки А. П. Румянцевой и несколько писем [29, с. 3].

Корреспонденты ярославских периодических изданий сетовали, что в городе, «к сожалению, приходится одновременно с развивающейся все больше и больше проституцией взрослых девиц констатировать факт появления малолетних от 12 лет проституток. Эти, еще совсем девочки, фланируют по бульварам и набережной, отпуская двусмысленные выражения и слова», и вопрошали общественность: «Ужели нет средств бороться с этим ужасным злом, или в городе не находятся инициаторы для организации общества для спасения несчастных детей?» [25, с. 3].

В начале XX в. официально попасть в профессию можно было достаточно легко. При достижении 18-летия, а для работы в доме терпимости – 21-летия, следовало написать соответствующее заявление на имя полицмейстера и подкрепить его рапортом пристава. Уличенных в тайной проституции освидетельствовали и заставляли легализоваться. После регистрации паспорт у проститутки забирали. Документ находился на сохранении у участкового пристава, отвечавшего за определенную часть города. Взамен выдавалась медицинская книжка [10, л. 1–50].

Сменить социальную нишу было сложнее. Начать новую жизнь стремились многие проститутки. Основная масса прошений поступала от самих женщин. Свое ремесло они называли «грязным», «постыдным», винили себя за сделанные в молодости ошибки и стремились начать «честный труд», для чего им требовались документы [10, л. 55–96]. Уход из разряда проституток мог также мотивироваться началом совместного проживания с мужчиной. Например, Е. Н. Уханова обосновывала желание исключить ее из числа проституток так: «В настоящее время в таком звании более находиться не желаю, ввиду того, что взята крестьянином И. П. Лазуриным на содержание и с ним живу» [11, л. 2]. О. И. Титова просила о возврате паспорта, заявив: «С 3 августа 1915 г. выбыла из девиц (дома № 2 по Кучерскому переулку) на совместное проживание с мещанином И. В. Дубининым, который содержит меня все время, а потому для дальнейшего сожительства паспорт мне необходим, а кроме того я не числюсь в девицах уже пять месяцев» [10, л. 25].

Были случаи, когда ходатайства поступали от представителей мужского пола. Так, крестьянин М. И. Колчин писал, что «на правах гражданской жены» с ним проживала бывшая проститутка А. М. Козлова, которая хотела «честно работать на заводе», поэтому ей требовался паспорт. Расписка Козловой и опрос соседей подтвердили, что она более 4-х месяцев проституцией не занималась [10, л. 13–14]. Или, например, крестьянин И. О. Карякин ходатайствовал за крестьянскую девицу Л. В. Шумилову и обещал взять ее на поруки [10, л. 71].

В части ответов ярославского полицмейстера на прошения проституток о выдаче паспорта после проведенной проверки, в том числе с опросом соседей, значилось, что следовало исключить даму из числа «жриц любви», но после выдачи ей паспорта следовало установить за ее поведением наблюдение, и «в случае, если она вновь станет промышлять проституцией подвергнуть ее регистрации в число последних» [10, л. 23]. Если власти знали или подозревали, что просительницы продолжали или продолжают в будущем заниматься торговлей телом, то женщин ждали отрицательные решения [16, л. 18–20, 22, 38–39].

Проститутки-одиночки должны были подвергаться еженедельным медицинским осмотрам. С этим в городе периодически возникали трудности. До конца XIX в. специального помещения для обследований в Ярославле вообще не было, а осмотры проходили «в тесной и темной квартире городского 2-ой части» [16, л. 3–4].

Позднее медицинское освидетельствование стало производиться в городской больнице. Но, в 1914 г., «находя неудобным осмотр проституток в городской больнице, где не имеется теплого помещения для ожидающих осмотра», комиссия общественного здоровья признала более удобным проводить осмотры проституток в „Сенной амбулатории“». Однако ситуация особенно не улучшилась. Городской врач А. Ф. Мицкелюнас сообщал, что в лечебнице на Сенной площади «на осмотре бывает от 80 до 130 проституток, причем одна или две из них каждый раз оказываются больными сифилисом в сильно заразной форме» [15, л. 1–3]. Заразившиеся направлялись в больницу для последующего лечения. В праздничные дни осмотры не устраивались [31, с. 3]. Врач жаловался на весьма серьезные препятствия в осуществлении своей профессиональной деятельности, в том числе на отсутствие специальных инструментов и даже элементарных предметов гигиены, просил городскую управу распорядиться, чтобы ему предоставляли хотя бы умывальник, мыло, полотенце, письменные принадлежности, без чего грозился прекратить осмотры. А 14 ноября 1915 г. «осмотр не был произведен, так как сторож амбулатории в грубой форме отказал дать стул, стол, так что не на чем было сидеть и писать». Вот в таких антисанитарных условиях осуществлялось означенное мероприятие. Спустя два месяца переписки городская управа велела предоставлять все необходимое оборудование [15, л. 3–7].

Обращает на себя внимание факт участия ярославских проституток в забастовочном движении, попытке отстоять корпоративные интересы. «Жертвы общественного темперамента» начали протест 26 ноября 1905 г. В два часа дня «они толпою в 30–40 человек направились от управления 2-й полицейской части (где были на „смотре“), к „домам терпимости“ просить остальных своих подруг присоединиться к ним. К 6 ½ часам вечера собралось свыше 200 человек. На Пошехонской улице против дома Андреева забастовщицы хором пропели вместо современных „свободных песен“: „бедная, бедная и; бедная, горькая участь моя“ <...> затем разошлись по домам, назначив собраться на следующий день к 2 часам дня на Сенной площади». Они хотели предъявить своим «хозяйкам» требования об улучшении своего положения [47, с. 3].

27 ноября «с 12-ти часов дня вновь началось движение („забастовка“) среди „жертв общественного темперамента“. Центр движения – Пошехонская улица, где к 3-м часам дня забастовщиц собралось около 300 человек». Они намеревались направиться в Спасские казармы для обсуждения своих нужд. «Но дело вышло иначе: тут не замедлил явиться заведующий сысской частью в г. Ярославле Мегалинский со своими «ревностными исполнителями закона», которые и приказали толпе немедленно разойтись. Когда же из публики выступил в защиту забастовщиц оратор N, указавший между прочим, Мегалинскому на свободу собраний, то последний иронически ответил: манифест от 17-го октября не распространяется на эти продажные жертвы». Принятые меры к разгону толпы остались тщетными, и она продолжала двигаться вперед. Тогда со стороны Мегалинского последовало распоряжение о вызове казаков, которые через четверть часа были на месте происшествия и с помощью нагаек быстро рассеяли собравшихся. Участницы забастовки из страха разбежались по домам. На этом выступление закончилось [48, с. 3].

Таким образом, основную массу публичных женщин Ярославля в конце XIX – начале XX вв. составляли представительницы крестьянского и мещанского сословий, которые приезжали в столицу губернии из близлежащих уездов и соседних губерний. Легальные дома терпимости располагались во второй части города в районе ул. Пошехонской и Борисоглебской, там же было зарегистрировано большинство проституток-одиночек. Этот район считался небезопасным для простых обывателей по причине регулярных драк, хулиганства и других происшествий криминального свойства. Концентрация публичных домов и квартир с проститутками негативно сказывалась на народной нравственности и криминогенной обстановке во второй полицейской части г. Ярославля.

О неблагоприятном психическом и физическом состоянии проституток свидетельствовали частые попытки суицида с их стороны, некоторые из них заканчивались летальным исходом. Проститутки подвергались насилию со стороны самых различных лиц, с которыми сталкивала их профессия: клиентов, сутенеров, хозяек, представителей власти, хулиганов или ревнивых любовников.

Зарегистрированные проститутки систематически проходили медицинские обследования, организация которых оставляла желать лучшего. Часть женщин периодически лечилась от венерических заболеваний в городской больнице. По мнению властей, большую опасность в плане распространения половых болезней представляли тайные проститутки, которые не поддавались точному учету.

Несмотря на легализацию проституции в дореволюционной России, женщины легкого поведения вплотную соприкасались с криминальным миром. В ярославских борделях скрывались правонарушители, совершались злодеяния. Часть проституток участвовала в преступной деятельности. Обычно это проявлялось в воровстве, в том числе относительно недорогих вещей, что указывало на их сложное материальное положение. О тяжелом существовании ярославских проституток могла свидетельствовать их попытка участия в забастовочном движении в 1905 г.

Завязать с «постыдным прошлым» пытались многие ярославские женщины, на что указывали ходатайства о выдаче паспортов, благодаря получению которых можно было начать иную трудовую деятельность и устроить личную жизнь. При попытке изменения социального статуса у части проституток возникали затруднения, так как власти не всегда спешили их исключать из разряда продажных женщин. Отказ мотивировался возможностью продолжения ими своего занятия нелегально. Особенно удручающим являлся факт начала занятия проституцией несовершеннолетних девушек, чему пытался противостоять закон, но не всегда успешно.

Список литературы

1. Ахметов А. А. Отношение жителей Саратова к проституции как форме девиантного поведения на рубеже XIX–XX веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 91–96.
2. Бентовин Б. И. Торгующие телом: очерки современной проституции. М.: Л. Крумбюгель, 1907. 200 с.
3. Болтаевский А. А. «Они работают как хороший варшавский лифт: с утра до глубокой ночи»: детская и подростковая проституция в Российской империи и СССР в конце XIX – первой трети XX вв. // Genesis: исторические исследования. 2014. № 4. С. 14–21.
4. Бородин Д. Н. Алкоголизм и проституция. СПб.: С.-Петербург. коммерч. типо-лит. Виленчик, 1910. 118 с.
5. Голос. 29.06.1911. № 145.
6. Голос. 15.01.1914. № 11.
7. Голос. 25.04.1914. № 94.
8. Голос. 25.10.1914. № 246.
9. Голосенко И. А. Социологические исследования проституции в России (история и современное состояние вопроса). СПб.: Петрополис, 1998. 123 с.
10. ГАЯО (Государственный архив Ярославской области). Ф. 288. Оп. 1. Д. 1077.
11. ГАЯО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 1091.
12. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 476.
13. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 975.
14. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1515.
15. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 3056.
16. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 1128.
17. Дьяконова Е. А. Дневник Елизаветы Дьяконовой. 1886–1902 г. Литературные этюды, стихотворения, статьи, письма. М., 1912. 837 с.
18. Канкарович И. И. Проституция и общественный разврат: к истории нравов нашего времени. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1907. 200 с.
19. Кискидосова Т. А. «Жрицы любви» в городах Енисейской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. № 8. С. 99–105.
20. Кончаковская Н. Б. Проституция в городской повседневности Пермской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 2 (49). С. 67–79.
21. Кузнецова А. Н. Проституция и нужда в Москве в конце XIX – начале XX века // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 7–2 (70). С. 29–35.
22. Лебина Н. Б. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М.: Прогресс-Академия, 1994. 221 с.
23. Малышева С. Ю. Проффессионалки, «арфистки», «любительницы»: проститутки в российском провинциальном городе второй половины XIX – начала XX вв. // Клио. 2012. № 3. С. 72–79.
24. Мартыненко Н. К. Регламентация проституции в России в середине XIX – начале XX веков. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2010. 180 с.

25. Новый Северный край. 29.07.1907. № 44.
26. Проституция по обследованию 1-го августа 1889 года. СПб., 1890. XXXVI, 85, 39 с.
27. *Сабинин А. Х.* Проституция: Сифилис и венерические болезни. Половое воздержание. Профилактика проституции : ист.-профилактик. этюд. СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1905. 264 с.
28. Северная газета. 09.02.1914. № 37.
29. Северная газета. 12.02.1914. № 40.
30. Северная газета. 13.02.1914. № 43.
31. Северная газета. 03.03.1914. № 58.
32. Северный край. 18.12.1898. № 17.
33. Северный край. 12.06.1899. № 210.
34. Северный край. 13.02.1899. № 69.
35. Северный край. 28.09.1902. № 255.
36. Северный край. 11.04.1903. № 93.
37. Северный край. 23.05.1903. № 133.
38. Северный край. 25.05.1903. № 135.
39. Северный край. 28.05.1903. № 137.
40. Северный край. 13.07.1903. № 182.
41. Северный край. 24.07.1903. № 192.
42. Северный край. 03.03.1904. № 58.
43. Северный край. 08.05.1905. № 119.
44. Северный край. 12.05.1905. № 122.
45. Северный край. 22.07.1905. № 179.
46. Северный край. 24.07.1905. № 181.
47. Северный край. 27.11.1905. № 281.
48. Северный край. 28.11.1905. № 282.
49. *Тарновский В. М.* Проституция и аболиционизм: Докл. Рус. сифилидол. и дерматол. о-ву проф. В. М. Тарновского. СПб. : К. Риккер, 1888. 261 с.
50. Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами, происходившего в С.-Петербурге с 21 по 25 апреля 1910 года. СПб., 1911–1912. Т. 1–2.
51. *Федоров А. И.* Очерк врачебно-полицейского надзора за проституцией в С.-Петербурге. СПб. : Тип. С.-Петерб. градоначальства, 1897. 64 с.
52. Ярославский вестник. 07.07.1904. № 11.
53. Ярославский вестник. 05.09.1904. № 69.
54. Ярославский вестник. 08.09.1904. № 72.
55. Ярославский вестник. 29.10.1904. № 120.
56. Ярославский вестник. 11.01.1905. № 9.
57. Ярославский вестник. 26.01.1905. № 24.
58. Ярославский вестник. 19.02.1905. № 47.

Urban everyday life: prostitution in Yaroslavl in the late XIX – early XX centuries

Karandashev Gleb Vladimirovich

PhD in Historical Sciences, associate professor, Department of National History,
Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky.
Russia, Yaroslavl. ORCID: 0000-0002-7499-9254. E-mail: karandashev@gmail.com

Abstract. The article examines the problem of prostitution in urban society in the late XIX – early XX centuries using the example of the provincial city of Yaroslavl. Based on a wide range of sources: unpublished archival materials, periodicals, sources of personal origin, the socio-cultural appearance of this phenomenon, its impact on the daily life and culture of the local population is presented. In addition to statistical data, the problems associated with prostitution are considered: sexually transmitted diseases, alcoholism, crime, suicide. The issues of regulation of corrupt love in the city, the organization of medical supervision, and houses of tolerance are analyzed. The materials on the activities of pimps and brothel mistresses are presented. Information is provided on the manifestation of the class consciousness of prostitutes in 1905, their attitude to their chosen profession and attempts to end it, which did not always succeed.

The bulk of the public women of Yaroslavl in the late XIX – early XX centuries were representatives of the peasant and middle-class classes, who fell into this profession due to their difficult financial situation. Legal brothels were located in the second part of the city, where the majority of single prostitutes were registered. The concentration of brothels and apartments with prostitutes had a negative impact on national morality and the criminogenic situation.

Despite the legalization of prostitution in pre-revolutionary Russia, women of easy virtue came into contact with the criminal world. Offenders could hide in brothels, and atrocities were committed. Some of the Yaroslavl prostitutes participated in criminal activities. Many girls started prostitution at a young age. The dysfunctional mental and physical condition of prostitutes was evidenced by frequent suicide attempts, some of which ended in death.

Keywords: Yaroslavl, prostitution, crime, drunkenness, brothel.

References

1. *Otnoshenie zhitelej Saratova k prostitucii kak forme deviantnogo povedeniya na rubezhe XIX–XX vekov* [The attitude of Saratov residents to prostitution as a form of deviant behavior at the turn of the XIX–XX centuries] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* – News of Saratov University. A new series. Series: History. International relations. 2021. Vol. 21. No. 1. Pp. 91–96.
2. *Bentovin B. I. Torguyushchie telom : ocherki sovremennoj prostitucii* [Body dealers : essays on modern prostitution]. M. L. Krumbugel. 1907. 200 p.
3. *Boltaevskij A. A. "Oni rabotayut kak horoshij varshavskij lift: s utra do glubokoj nochi": detskaya i podrostkovaya prostituciya v Rossijskoj imperii i SSSR v konce XIX – pervoj treti XX vv.* ["They work like a good Warsaw elevator: from morning to late at night": child and adolescent prostitution in the Russian Empire and the USSR at the end of the XIX – first third of the XX centuries] // *Genesis: istoricheskie issledovaniya* – Genesis: historical research. 2014. No. 4. Pp. 14–21.
4. *Borodin D. N. Alkogolizm i prostituciya* [Alcoholism and prostitution]. SPb. St. Petersburg commercial typ.-lit. Vilenchik. 1910. 118 p.
5. *Golos* – The voice. 29.06.1911. No. 145.
6. *Golos* – The voice. 15.01.1914. No. 11.
7. *Golos* – The voice. 25.04.1914. No. 94.
8. *Golos* – The voice. 25.10.1914. No. 246.
9. *Golosenko I. A. Sociologicheskie issledovaniya prostitucii v Rossii (istoriya i sovremennoe sostoyanie voprosa)* [Sociological studies of prostitution in Russia (history and current state of the issue)]. SPb. Petropavlovsk Limited Liability Company. 1998. 123 p.
10. SAYR (State Archive of the Yaroslavl region). F. 288. Inv. 1. File 1077.
11. SAYR. F. 288. Inv. 1. File 1091.
12. SAYR. F. 509. Inv. 1. File 476.
13. SAYR. F. 509. Inv. 1. File 975.
14. SAYR. F. 509. Inv. 1. File 1515.
15. SAYR. F. 509. Inv. 1. File 3056.
16. SAYR. F. 1150. Inv. 1. File 1128.
17. *D'yakonova E. A. Dnevnik Elizavety D'yakonovoj. 1886–1902 g. Literaturnye etyudy, stihotvoreniya, stat'i, pis'ma* [The diary of Elizabeth Dyakonova. 1886–1902. Literary sketches, poems, articles, letters]. M. 1912. 837 p.
18. *Kankarovich I. I. Prostituciya i obshchestvennyj razvrat: k istorii nraov nashego vremeni* [Prostitution and public debauchery: towards the history of morals of our time]. SPb. Tip. V. Bezobrazova and Co. 1907. 200 p.
19. *Kiskidosova T. A. "Zhricy lyubvi" v gorodah Enisejskoj gubernii v konce XIX – nachale XX veka* ["Priestesses of love" in the cities of the Yenisei province in the late XIX – early XX century] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* – Herald of Novosibirsk State University. Series: History, philology. 2013. Vol. 12. No. 8. Pp. 99–105.
20. *Konchakovskaya N. B. Prostituciya v gorodskoj povsednevnosti Permskoj gubernii v konce XIX – nachale XX veka* [Prostitution in the urban everyday life of the Perm province in the late XIX – early XX century] // *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk* – Herald of Perm University. History. 2020. No. 2 (49). Pp. 67–79.
21. *Kuznecova A. N. Prostituciya i nuzhda v Moskve v konce XIX – nachale XX veka* [Prostitution and need in Moscow at the end of the XIX – beginning of the XX century] // *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk* – International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. No. 7–2 (70). Pp. 29–35.
22. *Lebina N. B. Prostituciya v Peterburge (40-e gg. XIX v. – 40-e gg. XX v.)* [Prostitution in St. Petersburg (40s of the XIX century – 40s of the XX century)]. M. Progress Academy. 1994. 221 p.
23. *Malysheva S. Yu. Professional'ki, "arfistki", "lyubitel'nicy": prostitutki v rossijskom provincial'nom gorode vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv.* [Professionals, "harpists", "amateurs": prostitutes in a Russian provincial town of the second half of the XIX – early XX centuries] // *Klio* – Clio. 2012. No. 3. Pp. 72–79.
24. *Martynenko N. K. Reglamentaciya prostitucii v Rossii v seredine XIX – nachale XX vekov* [Regulation of prostitution in Russia in the middle of the XIX – early XX centuries]. Voronezh. Voronezh State Pedagogical University. 2010. 180 p.
25. *Novyj Severnyj kraj* – The New Northern Region. 29.07.1907. No. 44.
26. *Prostituciya po obsledovaniyu 1-go avgusta 1889 goda* – Prostitution according to the survey of August 1, 1889. SPb. 1890. XXXVI, 85, 39 p.

27. Sabinin A. H. *Prostituciya: Sifilis i venericheskie bolezni. Polovoe vozderzhanie. Profilaktika prostitucii : ist.-profilakt. etyud* [Prostitution: Syphilis and venereal diseases. Sexual abstinence. Prevention of prostitution : hist.-prophylaxis study]. SPb. P. P. Soykin Typ. 1905. 264 p.
28. *Severnaya gazeta* – The Northern newspaper. 19.02.1914. No. 37.
29. *Severnaya gazeta* – The Northern newspaper. 12.02.1914. No. 40.
30. *Severnaya gazeta* – The Northern newspaper. 13.02.1914. No. 43.
31. *Severnaya gazeta* – The Northern newspaper. 03.03.1914. No. 58.
32. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 18.12.1898. No. 17.
33. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 12.06.1899. No. 210.
34. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 13.02.1899. No. 69.
35. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 28.09.1902. No. 255.
36. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 11.04.1903. No. 93.
37. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 23.05.1903. No. 133.
38. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 25.05.1903. No. 135.
39. *Severnyj kraj* – The Northern region. 28.05.1903. No. 137.
40. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 13.07.1903. No. 182.
41. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 27.07.1903. No. 192.
42. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 03.03.1904. No. 58.
43. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 08.05.1905. No. 119.
44. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 12.05.1905. No. 122.
45. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 22.07.1905. No. 179.
46. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 24.07.1905. No. 181.
47. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 27.11.1905. No. 281.
48. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 28.11.1905. No. 282.
49. Tarnovskij V. M. *Prostituciya i abolicionizm: Dokl. Rus. sifilidol. i dermatol. o-vu prof. V. M. Tarnovskogo* [Prostitution and abolitionism: report to Rus. syphilidol. and dermatol. society by Prof. V. M. Tarnovsky]. SPb. K. Rikker. 1888. 261 p.
50. *Trudy Pervogo Vserossijskogo s'ezda po bor'be s torgom zhenshchinami i ego prichinami, proiskhodivshogo v S.-Peterburge s 21 po 25 aprelya 1910 goda* – Proceedings of the First All-Russian Congress on combating trafficking in women and its causes, which took place in St. Petersburg from April 21 to April 25, 1910. SPb. 1911–1912. Vol. 1–2.
51. Fedorov A. I. *Ocherk vrachebno-policejskogo nadzora za prostituciej v S.-Peterburge* [An essay on medical and police supervision of prostitution in St. Petersburg]. SPb. Typ. of St. Petersburg city government. 1897. 64 p.
52. *Yaroslavskij vestnik* – Yaroslavl herald. 07.07.1904. No. 11.
53. *Yaroslavskij vestnik* – Yaroslavl herald. 05.09.1904. No. 69.
54. *Yaroslavskij vestnik* – Yaroslavl herald. 08.09.1904. No. 72.
55. *Yaroslavskij vestnik* – Yaroslavl herald. 29.10.1904. No. 120.
56. *Yaroslavskij vestnik* – Yaroslavl herald. 11.01.1905. No. 9.
57. *Yaroslavskij vestnik* – Yaroslavl herald. 26.01.1905. No. 24.
58. *Yaroslavskij vestnik* – Yaroslavl herald. 19.02.1905. No. 47.